

СИМВОЛИЧЕСКОЕ ТЕЛО КУЛЬТУРЫ: КЛЮЧ К ВОСКРЕШЕНИЮ

Зенец Н.Г.¹, Чалдышкина М.В.¹

¹ГБОУ ВПО «Омская государственная медицинская академия» Минздрава России (644043, г. Омск, ул. Ленина, 12), e-mail: kafphil@mail.ru

В статье освещается актуальная проблема, связанная с поиском путей возрождения культуры. Авторы предпринимают попытку рассмотреть культуру как многоуровневый феномен, включающий разные способы бытия культуры. Введенное ими понятие «символическое тело культуры» позволяет увидеть возможные пути выхода из имеющегося культурного кризиса. Культура как культурное тело обладает своим топосом и размерностью, отличными от пространственности и вещественности. Оно включает в себя не только упакованный опыт человечества, но и прежде всего связанные с ним смыслы и ценности, благодаря чему предметное бытие культуры оказывается символическим телом. Утверждается, что именно символическое тело культуры благодаря своей открытости к изменениям имеет потенциал и может являться ключом к возрождению «души культуры».

Ключевые слова: культура, человек, событие, смысл, символическое тело, душа культуры, кризис.

THE SYMBOLIC BODY OF CULTURE IS A KEY TO RENAISSANCE

Zenets N.G.¹, Chaldyshkina M.V.¹

¹Omsk State Medical Academy Omsk, Russia (644043, Omsk, street Lenina, 12), e-mail: kafphil@mail.ru

The authors set up a problem of a cultural renaissance in the article. There has been taken an attempt to consider culture as a multilevel phenomenon that includes different ways of a culture existence. The authors add an expression “culture symbolic body” to clarify all possible ways of the crisis recovery. The culture as a symbolic body has it’s own topos and immensity that differ from spatiality and substantiality. It includes not only all mankind’s experience but also all senses and values associated with the experience. And exactly the culture symbolic body thanks to it’s openness to changes has a potential to recover “a soul of culture”.

Keywords: culture, man, event, sense, symbolic body, “a soul of culture”, crisis.

Начиная с конца девятнадцатого столетия состояние европейской культуры можно охарактеризовать как перманентное умирание, которое сопровождается целым рядом символических смертей: «смерть Бога» (Ф. Ницше), «смерть автора» (Р. Барт), «смерть субъекта» (М. Фуко), похоронили даже «скриптора», заменив его «безличной продуктивностью» (Ю. Кристева). В работах философов, мыслителей, культурологов явно прослеживается тема кризиса культуры. Э. Фромм назвал это состояние «синдромом распада», П. Вирилио «низвержением в пустоту», Ю. Кристева охарактеризовала сложившуюся ситуацию в культуре как «фальшивую нормализацию мира», когда культура все более и более превращается в «культуру-шоу», «культуру-развлечение». Однако никто, кроме кучки интеллектуалов, не разделяет этой озабоченности культурой. Парадоксальность современной ситуации, сложившейся в западноевропейской культуре, состоит в том, что культура, «которая стремительно движется к катастрофе» [3, с. 305], ощущается нами явно сытой, благополучной, безопасной и даже привлекательной. В некотором смысле она остается неким «идеалом», продолжая транслировать свои ценности. Чем объяснить такую парадоксальность?

На наш взгляд, этот парадокс становится понятным, если посмотреть на бытие культуры как на разноуровневый феномен, где каждый уровень имеет свой способ осуществления. Самым очевидным и наглядным способом бытийствования культуры является ее предметное существование, где она разворачивается в пространстве и во времени, представляя собой своеобразное «тело», живущее по своим законам.

Пространство культуры отлично от пространства вообще. Пространство, будучи широким понятием, как правило, имеет отношение к физическому, материальному миру. Не случайно М. Хайдеггер рассматривал смысл пространства в связи со скульптурой. «Скульптурные образы суть тела. Их масса, состоящая из разнообразных материалов, многосложно оформлена. Формотворчество совершается путем ограничения как от- и разграничивая. В игру при этом вступает пространство» [11, с. 312]. Но в то же время, как отмечает М. Хайдеггер, пространство – это еще и «простор, который несет с собой местность, готовую для того или иного обитания» [11, с. 312]. Иными словами, пространство может мыслиться как некая размерность бытия, «онтологический регион» (А.Н. Бабайцев), обладающий своими формами организации. В этом смысле пространство культуры – это некий топос.

Само понятие «топос» было введено еще Протагором и развито Аристотелем в его работе «Топика» и отчасти в «Риторике». Античные мыслители использовали понятие «топос», чтобы внести новые смыслы пространственности речи. Топос с древних времен считался краеугольным камнем публичной речи, однако это понятие имеет и «второе рождение». Поскольку топос – это самоорганизующееся смысловое пространство, он обладает особой конфигурацией, то есть выступает неким «телом» культуры.

Понятие «тело» нами взято не случайно. Именно оно может помочь прояснить сложившуюся ситуацию. Тело – это своеобразный архетипический вариант понимания всего сущего, появившийся задолго до разнообразных релевантных понятий, таких как «атом» Демокрита, протяженное бытие Декарта, «вещь в себе» И. Канта. Оно представляет собой «универсальную стабилизирующую структуру единого опыта людей» [6, с. 829].

Термин «тело» обрел имманентный категориальный статус в социально-гуманитарном знании и в философии постмодернизма. Согласно постмодернистической интерпретации телесность может не иметь ничего общего с собственно телом физическим. То есть понятие «тело» может быть апплицировано не только на антропоморфно понятую телесность, но на самые различные феномены в различных областях.

Можно выделить разные тела, с которыми имеют дело разные науки, например тело, с которым имеют дело анатомы и физиологи, это тело, исследуемое и описываемое наукой; тело как текст, таким оно предстает взору филологов, критиков, культурологов. В

современной философии структурализма появилось «пишущее тело» (Р. Барт); тело как источник наслаждения, образованное исключительно эротическими функциями и в то же время не имеющее никакого отношения к нашему физическому телу (М. Фуко); есть социальное тело (М. Мерло-Понти), «деспотическое тело капитала» (Ж. Делез, Ф. Гваттари); можно также говорить о феноменологическом теле, а в нашем случае о культуре как теле.

Можно сказать, что культурное тело обладает своеобразной самоорганизующейся целостностью, и в этом смысле оно живет. «Культура – не ставшее, а становление; она – сплошной мартиролог, нескончаемая экспозиция взлетов и падений, светлых восторгов и просветленных окаяньев, поразительная коллекция черновиков от дюреровских портретов до гоголевских "харь" в поисках окончательного беловика: лика человеческого, освященного лучами "умного сердца"» [9, с. 228].

Культура живет, творя человека, и существует как вечное становление человеческого. Каждой культурной эпохе свойственны свои символические формы, которые размечают знаковое пространство человека. Всякий человек рождается и умирает в определенном конкретно-историческом теле культуры.

В античной культуре человек соизмерял свое бытие с бытием космоса. Греки определяли космос как «красоту», «порядок», «строй» (военный и государственный), «нравственность», «меру». Древний грек должен был «честно сыграть свою роль в трагедии украшения, обряжения, обустройства, приведения в порядок, в приличный, благопристойный, соблюдающий меру вид, - мира, вселенной, земли и неба» [7, с. 350].

Тогда как в средние века человек ощущал свою зависимость от Бога, будучи его образом и подобием, живой иконой. Центральная тема христианства – человеческое преображение. Поэтому главным символом христианства становится крест, как неразрывная связь земного и небесного. Ощутить свою полноту в культуре человек мог только через связь с Богом, через приобщение к божественному бытию.

В культуре Возрождения появилось место для индивида, чье существование уже не нуждалось в абсолютной точке отсчета. Здесь пространство человека было размечено символами, свидетельствующими о его свободе, творческой силе («Витрувианский человек» Леонардо да Винчи). Наконец, в Новое время человек сделал исключительную ставку на самого себя, на свой разум, он осознал себя демиургом – создателем нового мира, который существует по законам, установленным человеком. Он превратился в дирижера, следящего за тем, чтобы мир был лучшим образом представлен на сцене бытия, с лучшей композицией и сценографией. Символом Нового времени стало знание, воплощенное в новоевропейской науке.

Именно благодаря символической реальности человек оказывается сориентирован в жизни, в этом смысле тело культуры – это всегда символическое тело.

Символ живет только тогда, когда человек способен выходить за рамки «готового», «обыденного», «стандартного», того что всегда бытует в любой культуре, когда он способен подняться над собой. Такая «самоустремленность человеческого бытия детерминирует... свободу человека по отношению к формам всегда уже наличного, состоявшегося, случившегося (и случайного) бытия, предопределяет принципиальную нетождественность человека его собственным орудиям (органам), целям, формам мысли и общения. Все это, разумеется, лишь онтологическая возможность, которая есть, следовательно, также и возможность этой возможностью (быть человеком) не воспользоваться» [2, с. 672].

Особенность символического в его вечной открытости, незавершенности, жизненной потенциальности. Поэтому символическое тело всегда открыто к обновлению, новой жизни. Если символ замещается знаком, утрачивается возможность обновления культуры, тело культуры «каталепсирует». Следующий этап умирания культуры характеризуется появлением симулякров – знаков-обманок, утративших какую бы то ни было реальность и лишь ее симулирующих. Мир, таким образом, делается собранием кажимостей, мнимостей, фантомов сознания.

Если посмотреть на современную культуру, то можно сказать, что она вступила в эру тотальной симуляции всего и во всем. «Власть, социальные институты, политические партии, культурные институты, включая и всю сферу искусства, не занимаются серьезными, реальными вещами и проблемами, а только симулируют такие занятия, ведут симулятивную игру в глобальном масштабе. Отсюда главный продукт такой игры – симулякры, бескрайнее море симулякров, образующих некую гиперреальность, которая сегодня реальнее самой реальности, ибо нам приходится жить и действовать только в ней» [4, с. 45]. Симулякры очаровывают и соблазняют человека своей комфортностью, безопасностью. Традиционная культура превращается в «обветшалый дом», где ценности и смыслы больше ни о чем не говорят человеку.

Опасность симулятивной культуры состоит в том, что хотя тело культуры сохраняет видимость символического, по сути она ведет человека к антропологической катастрофе, так как «человек культурный» исчезает, превращаясь в «цивильзьяну» (А.Н. Павленко). В. Франкл описал данную ситуацию следующим образом: «в отличие от животных инстинкты не диктуют человеку, что ему нужно, и в отличие от человека вчерашнего дня традиции не диктуют сегодняшнему человеку, что ему должно. Не зная ни того, что ему нужно, ни того, что он должен, человек, похоже, утратил ясное представление о том, чего же

он хочет. В итоге он либо хочет того же, чего и другие, либо делает то, что другие хотят от него» [10, с. 6].

В результате человек претерпевает своеобразный процесс «шизофренизации», так как шизофреническое сознание характеризуется неразличимостью границ, проницаемостью, оно расколото и включает в себя все вещи мира. Эта ситуация образно выражена словами одного из героев романа Г. Гессе «Степной волк»: «В моем театрике столько лож – говорит он, – сколько вы пожелаете, десять, сто, тысяча, и за каждой дверью вас ждет то, чего вы как раз ищете. Это славная картина галерея, мой друг, но вам не было бы никакой пользы осматривать ее таким, какой вы есть. Вы были скованы и ослеплены тем, что вы привыкли называть своей личностью» [5, с. 218].

Как возможно тогда возрождение культуры? На наш взгляд, оно связано с «воскрешением» ее символического тела. То, о чем пишет М. Хайдеггер в одной из своих работ под названием «Вещь». Для Хайдеггера простая вещь – взятая для примера – чаша оказывается не просто емкостью, в которую можно налить жидкость, а тем, что собирает в себе смыслы бытия, что позволяет случиться со-бытию «чаша». «В подношении полной чаши пребывает односложенность четырех... Пребывание есть событие» [11, с. 321]. Когда пребывание вещи становится событием культуры, культура оказывается живой, живой в том смысле, что все наличное предметное бытие культуры перестает быть лишь источником удовлетворения, повседневных потребностей человека, оно воспитывает, образует, преображает его душу, благодаря своей символической природе.

«Воскрешение» символического тела требует от человека особых усилий по преобразованию самого себя. По мысли М.К. Мамардашвили, человек «есть в той мере, в какой он самосозидается какими-то средствами, не данными в самой природе... миф, например, есть способ организации и конструирования человеческих сил или самого человека... восполнение и созидание человеком себя в бытии, в котором для него нет природных оснований. И потому на месте отсутствующих оснований и появляются определенные "машины" культуры» [8, с. 18]. Культура существует как потенция к полноте (В.В. Бибихин), когда всякое человеческое действие, будь то свадебный обряд, спортивное состязание, поэзия, философия или танец могут быть участием человека в бытии, со-бытием встречи с ним.

Возможно, поэтому первоначально понятие «культура» было тесно связано с ремеслом, делом. Под культурой понимали практику, совершенствование человека в каком-либо умении. Например, *culture juries* - выработка правил поведения, *culture Lingual* - совершенствование языка и т.д. Одним из первых смыслов слова культура была *agricultura* - культивирование, возвращение. В этом смысле («культивирования» человеком диких злаков,

животных, то есть их «одомашнивания», превращения из диких в «культурные») в античности понятие «культура» было очень близко слову «пайдейя», которое означало определенное дело, занимающее людей на всю жизнь. Можно сказать, что «пайдейя уже включает в себя философию, поэзию, риторическую прозу, математику и так далее» [1]. Другими словами, пайдейя в социально-бытовом смысле означала воспитание, обучение ребенка, чтобы он вошел в мир взрослых. И здесь культура является определенным инструментом, приспособлением «очеловечивания» человека, выведения его из дикости и животности. Это означает, что культура осуществляется и бытийствует, являясь одухотворенным телом, и живет постольку, поскольку сохраняется глубокая сокровенная связь с другим уровнем бытия культуры, который условно можно назвать ее «душой».

«Душа культуры» - центральное понятие в философии культуры О. Шпенглера. Он считал, что в основе каждой культуры лежит ее душа, и от характера «души культуры» зависит весь ее строй, все ее символическое тело: «культура как совокупность чувственно-ставшего выражения души в жестах и трудах, как тело ее, смертное, преходящее» [12, с. 344].

Культура остается живой, пока отсутствует разрыв между ценностями и смыслами культуры и тем предметным миром, который они наполняют. Именно этот разрыв был обнаружен мыслителями, философами, поэтами двадцатого века. И стала понятна их озабоченность умиранием души культуры. О. Манделштам писал в начале двадцатого столетия: «Куда все это делось – вся масса литого золота исторических форм, идей? – вернулась в состояние сплава, в жидкую золотую магму... а то, что выдает себя за величие, – подмена, бутафория, папье-маше».

Современный человек получил доступ к культурным ценностям, накопленным человечеством за всю его прошлую историю. Массовое производство материальных благ культивирует человека-потребителя, который отучился проделывать усилие к поиску символического бытия культуры. Эти усилия имеют исторический характер, каждая историческая эпоха придает им свою форму, но при этом суть их сводится к одному – к поиску встречи с бытием. «Народы, языки и эпохи, битвы и идеи, государства и боги, ремесла, произведения искусства, науки и правовые отношения, хозяйственные формы и мировоззрения, великие люди и великие события являются символами и подлежат в качестве таковых толкованию» [12, с. 129]. В результате того, что современный человек не проделывает усилий поиска встречи с бытием, культура лишилась своей души, а ее символическое тело утратило жизненность.

Однако в символическом теле культуры «упакован» опыт человечества – опыт встречи с бытием. Этот опыт выкристаллизован в наличном бытии культуры. Поэтому хотя

человек может отказаться от этого опыта и довольствоваться симулякрами, у него есть и другая возможность: увидеть культуру не как нагромождение симулякров, но как «совокупность великих символов жизни, чувствования и понимания: таков язык, которым только и может поведать душа, как она страждет» [12, с. 344].

Можно сказать, что символическое тело культуры есть своеобразный «ключ», способный открыть путь к воскрешению души культуры. Тогда вместо «культуры-шоу», «культуры-развлечения» культура вновь станет «космосом», «домом», укореняющим человека в бытии.

Список литературы

1. Аверинцев С. Пайдейя. Из истории европейской культуры [Электронный ресурс]. – URL: <http://omiliya.org/article/paideiya-iz-istorii-evropeiskoi-kultury-sergei-averintsev.html> - (дата обращения: 01.06.14).
2. Ахутин А.В. Материалы к словарю по диалогике // Поворотные времена. – СПб. : Наука, 2005.
3. Бибахин В.В. Лес. – СПб. : Наука, 2011.
4. Гараджа А.В. Бодрийяр «Современная западная философия» // Вопросы философии. - 2003. – № 10.
5. Гессе Г. Собрание сочинений : в 8 т. – М., 1994. - Т. 3.
6. Грицанов А.А., Вашкевич А.В. Шизоанализ // Постмодернизм: энциклопедия. – М., 2001.
7. Курганов С.Ю. Акмэ Эдипа // АРХЭ: Труды культурологического семинара / ред. И.Е. Берлянд. – Вып. 5. – М. : РГГУ, 2009.
8. Мамардашвили М.К. Появление философии на фоне мифа // Философские чтения. – СПб. : Азбука-классика, 2002.
9. Свасьян К. Философия символических форм Э. Кассирера. - Ереван, 1989.
10. Франкл В. Человек в поисках смысла. – М. : Прогресс, 1990.
11. Хайдеггер М. Время и бытие : статьи и выступления / пер. с нем. – М. : Республика, 1993.
12. Шпенглер О. Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории. В 2-х тт. – М., 1993. - Т. 1.

Рецензенты:

Максименко Л.А., д.филос.н., доцент, заведующий кафедрой философии ГБОУ ВПО «Омская государственная академия» Министерства здравоохранения РФ, г.Омск.

Горнова Г.В., д.филос.н., доцент кафедры философии ФГБОУ ВПО «Омский государственный педагогический университет» Министерства образования и науки РФ, г.Омск.